

МИГРАЦИЯ И АДАПТАЦИЯ. СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

И.С. МЕТЕЛЕВ

Мы словно отброшены к отправной точке.
В философии это очень хороший знак.
Философия не прогрессирует, не продвигается
вперед – она снова и снова сталкивается
с грозными вопросами... самое важное это
не удариться в бегство под прикрытием,
как правило, удивительных достижений.

Ф. Федве

История жизни человечества всегда была связана с миграцией, но сегодня проблема миграции стоит особенно остро. Миграционные процессы зачастую объективно вызваны глобализацией, создающей ситуации, когда человек может полупринудительно оказаться в роли мигранта, и эти процессы настолько существенны, что оказывают влияние не только на этническое, но и на общечивилизационное развитие. Что же касается стран, регионов, принимающих миграционные потоки, то в зависимости от конкретных обстоятельств, могут складываться различные ситуации, например, китайцы не боятся миграционных процессов, Европу же от арабской эмиграции лихорадит.

Для исследования миграционных процессов был создан целый ряд теорий. Среди них теории «плавильного котла» («тиглия»), «амальгамизации», «слоенного пирога», «мультикультурализма»¹, они вошли в научные словари и послужили основанием для ряда проектов. Однако реальная практика демонстрирует их несостоятельность и потому отсылает теоретические подходы к исходной позиции. Представляется, что следует обратиться к классической теме адаптации, которая сегодня рассматривается без учета ее сложности.

Регионы мира, принимающие миграционные потоки, характеризуются более высоким уровнем жизни. При более конкретном рассмотрении эта проблема предстает как проблема города, принимающего иммигрантов, проблема толерантности². Философско-исторически же – это проблема *дома и города*, или *дома в городе*. Сегодня уходит в прошлое естественная «охота к перемене мест», которую в прежнем универсальном смысле фиксировал Э. Левинас: «Ничего нет более укорененного, чем кочевник»³. Первоначально миграционный опыт «помещается», «расселяется» именно в про-

странства, которые становятся миграционной материнской средой, в том числе и по отношению к настоящему времени. Так, В.Г. Щукиным на жанровом материале повествований выделяются разновидности бытовых культурных пространств или социокультурных локусов. Автор отмечает важную особенность: локус на долгое время «застывает в неподвижности», но рано или поздно наступает период его регресса и деформации. Например, комфортабельные квартиры (районы) коммунализируются, ряд городских анклавов (трущоб) деградируют до непригодных для проживания площадок, благородный пансион переводится в статус «интерната», классический рынок в «конце концов» становится «вещевым» или «оптовым»⁴.

С другой стороны, это «дома», «пути», «дороги», «пристанища» в символической интерпретации, которая специально рассматривается Ю.М. Лотманом. В географических пространствах акцентируется архаика, поиск ближайшего территориального арсенала эпохи, инокультурные вторжения. Вместе с тем длительность путешествий всегда «наталкивается» на дом, сопутствующее ему окружение. Близкие пространственные модели выражают идеи добра и тепла, ускоренное приближение к нему рождает чувство полета. Для Ю.М. Лотмана дом — это место, в котором «живут», не случайны выражения «добрался до дома», «возвратился домой», чему противостоит «не-дом», в качестве «не домашнего дома». К месту жительства человека ведет «дорога» как воплощение движения к конкретному месту и безграничности перемещений. В этом случае «путь» есть реализация и нереализация пространства дороги, открывающейся в оба конца, не случайно говорят «пустился», «отправился в путь», что указывает на неокончательную ясность путешествия. Наконец, Ю.М. Лотман говорит о «доме» и «антидоме» как бездомье, отсутствии доверия к месту, где нет покоя, отсутствует средоточие житейской духовности. Символизация рассмотренных выше понятий в интерпретации Ю.М. Лотмана рассматривается Е.В. Волковой⁵.

В интересующем нас ракурсе можно соотносить дом и «миграционную стихию» как пространство без внутреннего близкого мира («дом родной» и антитеза «длящейся стихии» — тематизация холода, голода, нищеты, болезни, вне постоянного быта, как бы на его «обрывках»). Отсюда — несостоятельные поиски мигрантом своего дома, который предстает как средоточие личной и национальной жизни, и который необходим ему для его дальнейшего развития. Вне дома, непосредственно человек — это его одежда как укрытие, натуральность облика — близкий преддом, предтеча его, «неотыскание» — реальная катастрофа существования.

Этимологический, а затем и философский анализ понятий «дом», «город» и связанных с ними понятий дает Е. Бенвенист⁶. Их фило-

софское осмысление приводит его к крайне важным выводам. *Civis*, *гражданин*, базовое слово в латинском языке, означающее «свободно-го члена города, которому человек принадлежит по происхождению или по дарованию гражданства». Гражданину (*civis*) противоплагается *hostis* *гость*, *socius* союзник, *peregrinus* *иностранец*. От *civis* производно *civitas*, означающее достоинство гражданина, отсюда – собрание всех граждан (близкий перевод к слову *человечество*). В дальнейшем появляется аутентичный смысл *civis* – *негражданин*, как было принято считать, а *согражданин*. В завершение анализа Е. Бенвенист переходит к теме *взаимности*. В современный период *гражданство* настолько привычное дело, что об этой *взаимности* уже не размышляют. Но универсально базовый термин здесь «полис», т. е. связанное взаимностью сообщество, откуда происходит член такого полиса, т. е. свободный человек⁷. И уже в эти древние времена это связанное взаимностью сообщество сталкивается с потоками миграции⁸.

Исторически миграция существовала как «великие переселения народов», которым она представлялась как открытие новых горизонтов. В результате ее исследования, подчеркивает И. Т. Касавин, получает развитие «транзитная онтология», когда подобное практикующее существование связывает между собой магистрали конкретной местности и миры общечеловеческой культуры (в перемещениях «Великого Бездомного» через социокультурные проселки по новым траекториям)⁹.

Это означает, что сознание мигранта интенционально, предзадано вплетением в его внутренний мир феноменов, о которых невозможно судить вне социального контекста, что позволяет в первом приближении говорить об адаптации как об исторической необходимости. В этом случае необходимо освободиться от предвзятостей узкопрактического видения и представить себе мир, разделяемый обеими сторонами: миграционные потоки («странник») и принимающие регионы («город», «дом»). «Незатемненное» условностями взаимоотношение в повседневном общении позволяет реконструировать миграционный опыт в направлении поиска «чистого», «проясненного» взаимопонимания. Как следствие, появляется коммуникация «лицом к лицу» в формировании интерсоциального пространства, в переменной позиционности участников, взаимопересечении сознания («здесь-и-теперь»), снятии «бывшего» и переходе к непосредственной одновременности «мы-чувства¹⁰. Вместе с тем культур-социология, в особенности социальная психология, демонстрируют значительные препятствия для появления общего контекста значений понятий «мигрант» и «житель».

Существует историко-антропологическая сторона, объясняющая ряд существенных трудностей. Антитеза «онтологии города» и «онтологии всадника (переселенца)» обнаруживает конфликт с городской цивилизацией. «Новоявленные» группы людей, как пришельцы, не уживались с его населением, а уничтожали город в качестве культурного образования по своему неумению жить в нем, приспосабливаться к его формам и нормам. Жизнь на конкретной территории культивирует знания и умения применительно к сегментам местности, вовлеченным в социально-практическую деятельность, что противоположно «энциклопедизму вечных странников и путешественников»¹¹. Вместе с тем сохраняется тип современного кочевника, человека путешествующего в соответствии с имеющимися у него возможностями, и тогда речь идет о пользовании «дарами цивилизации», тогда «дом... только очередное пристанище, привал в пути».¹²

В житейском плане миграционные перемещения довершаются Домом как средоточием жизненной тесноты, близости и уравновешенности отношений, вплоть до повседневных забот, определенной неприступности и надежности, а значит, очага свободы. Поэтому «отказаться от дома» можно главным образом тому, кто также имеет дом («жители — не странники»). У мигрантов-пришельцев же есть только своя Доля как участь и судьба, когда что-то достается как испытание, создается возможность разделить невзгоды «близких других», мигрирующих в разрозненной массе (и безнадежно «чужих — других»). Однако превосходство жителя также и в том, что дом существует не только для семейных нужд, но и образует гражданскую почву в собрании домов для решения общественных вопросов (так, порождается «городской экстракт», по выражению Сократа). Подобное сожителство порождает гражданское сплочение в городе. Но «город, — подчеркивает Х. Ортега-и-Гассет, — это сверхдом, это преодоление дома, людского логова». Речь идет о создании новой, более абстрактной структуры, в которой преобладают не жители, а сограждане. Разумеется, когда этого не происходит, рушатся «пограничные стены» самих домов. «Рациональный город качественно отличается от растительного окружения», вхождение в которое не продиктовано «соображениями особой человеческой почвы»¹³. Вследствие этого, миграционные потоки подчиняются особой социально-исторической гравитации с присущими ей «притяжениями» и «отталкиваниями»¹⁴. В этом случае имеют место трудности адаптации, поскольку «расселения» возникают почти как интеракции, и необходима способность к абстрагированию, относимому к обществу, появление интеграции с большими степенями свободы, собственной темпорализацией.

«Прежде всего, с возникновением городов участникам становится очевидно, — подчеркивает Н. Луман, — различие “преходящей интеракции” и общества»¹⁵.

Понятие «адаптация» — философское, включающее основные подходы и направления анализа взаимодействия личности, групп и слоев, организационных структур с внешней средой, тенденции приспособления. Применительно к последним в наиболее распространенных случаях говорится о социальной адаптации (личности, групп) к общественным средам и микросредам. В настоящее время определен общенаучный статус понятия адаптации, который, на наш взгляд, не исключает традиционного обращения к теории отражения и теории деятельности. Адаптационность есть особая форма этих процессов, ориентированная на установление динамического равновесия и устойчивости, гармоничного соотношения между внутренней и внешней средой в границах более широких систем. Рассмотрение адаптации в вышеуказанных ракурсах определяет возможности изучения «проблемы проблем»: философское понимание человека во всем внутреннем богатстве и разнообразии внешних связей с окружающим универсумом. Как следствие, в качестве предмета науки образуется, по словам И.Б. Новика, отличительный, своего рода «человекологический» аспект. Речь идет о мировоззренческом и непосредственно практическом значении, при котором проблема человека раскрывается во всем многообразии ее сторон, в том числе и сторон, связанных с взаимоотношением цивилизации и адаптации. Поэтому можно говорить о «человековключающих» системах (типа города), когда актуализируются вопросы самопознания и самоориентаций человека¹⁶.

В первом приближении мы видим сопряженность адаптационной проблематики с миграционной — как перемещениями (передвижениями) «человека мигрирующего» в универсальных и конкретных ситуациях, что предполагает фундаментальные и поисковые исследования (проблема человека в его миграциях и адаптации). В этом случае акцентирование homo migratio актуализирует проблему его защиты, сохранения видовой жизнедеятельности в приспособительном поведении по отношению к многокачественным средам. «Человек мигрирующий» и одновременно «человек адаптирующийся» («адаптационный») образуют феномен «адаптирующей адаптации» и «мигрирующей миграционности», когда устанавливается соотношение с внешним окружением и одновременно его приспособление к своим вновь возникшим интересам и потребностям. Так, можно говорить об изменяющемся «миграционном оптимуме» как подвижной соразмерности (компромиссности) между конкретной социальной средой и возможностями действующего индивида.

Таким образом, адапционность взаимосвязана с процессами оптимизации действий человека с изменяющимися макро- и микросредами. На этой основе должна развиваться способность общества и его организационных структур к адаптации к различным факторам окружения, в том числе и негативным, а также адаптация к собственным изменениям. В этом случае формируется способность обнаруживать саморегулирующиеся качества и самовоздействие, как реакция на неблагоприятный фон жизненной обстановки. Причем, эти способности должны стать личностным свойством, приобрести качество «автоматизма», в том числе для поддержания устойчивости общественной системы. Необходимо не только непрерывно следовать за изменениями окружающего мира, но и учитывать другие способы понимания и приспособления, в конечном итоге восходить к основам приспособления. Исходя из этого, Н. Луман подчеркивает: понятие приспособления необходимо дополнить понятием самоприспособления, которое устраняет внутрисистемные трудности, неравновесные состояния. Приспособление к миру – не одно и то же, что приспособление к самому себе, поскольку в этом случае не понятно, на какую проблему реагирует самоприспособление¹⁷.

В данном случае должны быть сняты установки «покорения» новой необжитой среды. Напротив, необходима оптимальная регуляция, когда происходит отказ от традиционных представлений, возникает готовность воздержаться от действий, неминуемо и непоправимо нарушающих «ход жизни» социума (во всяком случае, свести их к минимуму). Это тем более необходимо в условиях резкой трансформации условий жизнедеятельности, которые делают бесполезными или, по крайней мере, недостаточными традиционные способы ориентации, что, как отмечает Э.С. Маркарян, требует «научно-обоснованного контролируемого воздействия на социальные процессы с целью достижения необходимого *адаптивного эффекта*»¹⁸. В этих случаях становится возможным поиск управляемого компромисса между обществом и группами людей, прибывающими на его территорию, в направлении взаимоприемлемых и взаимообусловленных форм соотношения миграции и адаптации.

И здесь следует говорить о взаимосвязи приспособления и отражения, на основе которой не только «человек мигрирующий» обнаруживает способность «отражать» (посредством своего изменения) факторы внешней среды, но и сами системы в процессе взаимодействия создают в себе механизмы и модели активного изменения, преобразования социальных сфер жизнедеятельности. Взаимосвязь активности и приспособляемости осуществляется посредством адекватного отражения системной среды. Можно сколько

угодно сопоставлять мультикультурализм и идеи ассимиляции, ценности плюрализма и модельное реагирование на миграцию (иммиграцию), но понимание проблемы будет ускользать от нас до тех пор, пока не будут объяснены продуцирующие способности человека-мигранта. Сегодня теория отражения и ее возможности предстают в достаточно свернутом виде. Например, говоря об отражении, Н. Луман подчеркивает: «...взаимно отражающие зеркала либо увеличивают, либо уменьшают, либо как-то иначе искажают, внося субъективный компонент»¹⁹.

В этом аспекте человечество обнаруживает свой глобальный масштаб и одновременно является расширяющейся средой для самого себя (не только мигранты, но и принимающая их сторона должна адаптироваться к последствиям своих ответных действий). Соответственно философия, социология и ряд сопутствующих им специальных дисциплин должны обнаруживать границы (меру) адаптивности «человека-мигрирующего» к потенциальным сценариям развития (проблема «опережающей адаптации-миграционности» и адаптационности).

Традиционно государство и его институты планируют некие действия по отысканию путей адаптации после того, как они реально совершены. Вместо этого следует развивать потенциально адаптирующие акции, определяемые по системным характеристикам явлений, которые включены в механизмы социального планирования. С одной стороны, существуют внутренние взаимосвязи в расширяющихся условиях социума, с другой стороны, социальная адаптация предстает как многоплановая в охвате глобальных и региональных связей по отношению к общественно-политическим системам и структурам социума (производственным, культурным, межчеловеческим). Современная адаптация организуется иерархически – от высших социально-адаптирующих факторов до конкретно-управляемых, ее комплексность связана со взаимоотношениями форм производства и социокультурных факторов, сферой потребления, моделями рыночных отношений и формированием стимулов и мотивов человеческого поведения.

В методологическом плане развитие общецивилизационного процесса неотделимо от адаптации мощных миграционных потоков. При этом адаптивные механизмы подвергаются новым испытаниям. Это актуализирует философские исследования проблем адаптации личностно-индивидуального потенциала «человека мигрирующего» к новой многофакторной социальной обстановке. Так, необходимо исследовать конкретность феномена миграционности и аспекты адаптации в условиях современного глобализма (как состояние адаптационности), возможности свободного самоизъ-

явления, разрешение противоречий и регулирование, устранение антагонистической конфликтности, выявление общих тенденций социальной адаптации «человека мигрирующего». Как подчеркивает И.Д. Калайков, понятие адаптации является общенаучным действительно для многих отраслей знания и «работает» в области как естественных, так и общественных наук. При этом близкими, синонимичными понятиями в характеристиках систем различного порядка являются термины «выживаемость», «норма», «саморегулирующаяся система».

В целом понятие адаптации охватывает следующие основные и конкретные формы приспособления: 1) относительно постоянные или 2) динамические в структурно-функциональном отношении; 3) нормальные или 4) патологические, способствующие либо сохранению и стабилизации течения и проявления жизненных реакций, либо отклонению, дестабилизации и нарушению жизненных процессов. В конечном счете разнообразие процессов адаптации по своей форме и содержанию относится к одному из этих основных видов приспособления²⁰. Когда адаптация включает конкретные формы приспособления, взаимосвязи и взаимопроникновения между ними, можно говорить об адаптивном процессе как единой, взаимосогласованной и надежной системе, способной отражать жизненные условия, направлять и моделировать отношения живых систем с окружающими условиями (жизненные обстоятельства определяют в итоге особенности адаптивного процесса).

Существенным признаком адаптивного процесса является его активность, которая находится в зависимости от интегрирующей структуры личности и создает возможность предвидеть будущие изменения в плане поступающей информации, в соответствии с чем создается модель «завтрашней деятельности». По сути, адаптационная направленность получает рациональное объяснение, которое направлено на понимание конкретных механизмов разрешения проблемных ситуаций.

Так, понятие социальной адаптации отражает качественные характеристики общественной системы, связанные с трудовой деятельностью и процессом социального воспроизводства. На этой основе формируются основные уровни равновесия общества и личности с подключением социальной информации, программ развития, взаимосвязи прошлого и актуального опыта (в личностном и общественном проявлениях, а также историческом измерении). В результате следует говорить о необходимости развития всеобъемлющего познания адаптивного процесса во всех его звеньях, но особенно это касается социальной адаптации человека.

Каковы основные социальные компоненты адаптивного процесса? Современные социальные отношения отличаются многомерностью. Но производство жизни ориентировано на условия нормального труда, когда человек работает в «полную силу». Как следствие, социализация мигрантов требует планомерного проведения социальной адаптации в самых разных ее аспектах. Так, И.Д. Калайков обоснованно выделяет материальную основу социальной адаптации, которая опирается на «социальное в человеке», его общественную природу. Среди ее главных характеристик – трудовая функция и два типа социальности: на базе труда развивается фундамент общественных отношений и формируется социальная среда как результат усилий общества (первый тип социальности) и личность как результат усилий конкретных человеческих индивидов (второй тип социальности)²¹. Социальная адаптация является формой социального движения материи: она формирует природу человека и создает социальную среду, т.е. в аддитивном (суммативном) смысле все, что охватывается понятием социальной действительности²². Это позволяет в обратном порядке исследовать саму социальную среду в ее действительных взаимоотношениях с человеком. Социальная среда объективирует конкретные общественные отношения, а социальная природа человека субъективирует их на уровне человеческих индивидов. Таким образом, социальная адаптация является соединительным звеном между общественной природой человека и социальной действительностью в реализации возможностей мигрирующих масс в условиях современного социума.

В этом случае возможны, во-первых, социально-миграционная диагностика как выявление сущностной характеристики явлений и процессов для последующего их «распознавания» в методах измерения характеристик; и на данной основе социальная адаптация как процесс приспособления, «освоения» личностью мигранта или группой новых условий социальной среды (мигрант как адаптант). В результате формируется социальный порядок как связывание элементов социальной системы во времени и пространстве, появление оптимальных форм общественных отношений (в установленных образцах, постоянстве структурных образований, процессов и явлений социума). В качестве важного этапа формирования образа жизни мигранта, социальная адаптация включает: первоначальную стадию совмещения новой и прежней системы ценностей: стадию терпимости как готовности к взаимодействию и взаимоограничению, принятие универсальных образцов поведения; аккомодацию как признание основных элементов системы ценностей новой среды, и наконец, ассимиляцию как полное совпадение ценностных ориентаций индивида, группы и среды. На-

стоятельный призыв-пожелание сохранить тенденции нормального хода жизни при «насыщении» ее мигрантами требует морально-этической вдумчивости.

В понимании морали как вынесения решений в отношении полноты сущего М. Хайдеггер подчеркивает необходимость развивать этику: она «тем настойчивее понуждает к своему удовлетворению, что потерянности человека, будь то очевидная, будь то утаиваемая разрастается до неизмеримости». Действующий индивид может быть «приведен к надежному постоянству только через соразмерное... сосредоточение и упорядочение всего его планирования и поведения в целом»²³. Вместе с тем М. Хайдеггер акцентирует вопрос о такой планомерности, которая не будет давать повода требовать «новых жизненных пространств» в ходе «обустройства соответственно более многочисленных человеческих масс»²⁴. Применительно же к современной ситуации можно утверждать, что запретительные барьеры обнаруживают актуальное социально-этическое измерение. Говоря о результатах социальной адаптации, о различных приспособительных возможностях индивидов М. Хайдеггер воспроизводит рассуждение Ф. Ницше о желательности видеть людей «смирненными, прилежными, благожелательными, умеренными». «Таким вы хотите человека? Хорошего человека? — спрашивает Ф. Ницше. «Но, чудится мне, это просто идеальный раб, раб будущего». Очевидно немецкий философ негодует, поскольку речь идет о людях, которые не могут «от себя вводить цели», отдают «честь морали лишения самости». Относиться к людям без их различия есть форма безразличия, но принципиально «связыванию человека этическими нормами должна быть вроде посвящена вся забота», — подводит итог морально-философским рассуждениям М. Хайдеггер²⁵. Но как это понимать?

Во взаимоотношениях личности трудового мигранта и новой для него окружающей среды можно выделить следующие варианты: человек полностью покидает ценности «материнской среды», полностью остается в пределах ее ценностей, частично усваивает ценности новой среды, сочетая их с традиционными для него. В последнем случае он может устремиться к новым для него ценностям, но ему не удастся полностью вписаться в новый жизненный мир, возвращение же к исконной почве также не проходит для него бесследно. В этом случае мигрирующий субъект находится на границе двух сред (миров) и по своему статусу может быть приравнен к маргиналу. Как известно, природа этнических предубеждений такова, что люди не осознают своей предвзятости и даже считают ее вполне естественной, подкрепляя ее фактами личных взаимоотно-

ношений. Природа современного варварства – если говорить о трудовых мигрантах – может быть побеждена только в условиях «реально работающей, развитой массовидной цивилизационной структуры, вернее особых структур»²⁶. Как бы предупреждая об опасности варварского отношения к людям, А. Тойнби отмечал: «Известно, обращение с людьми как с животными, как с неодушевленными предметами может иметь катастрофические последствия»²⁷.

Как справедливо отмечают М.Н. Кузьмин и О.И. Артеменко, модернизация общественных процессов, предполагает «надэтнический уровень». Именно здесь происходят процессы индустриализации, урбанизации, миграции, которые имеют глубокие последствия для этносов, что заметно трансформирует объект анализа, его состав, атрибуции, характер внутренних связей²⁸. В более расширенном значении речь идет о вовлечении миграционных процессов в систему ценностей стабильности и безопасности, однако применительно к российскому обществу, как подчеркивает В.Г. Федотова, это «не столько ценности, сколько условия адаптации»²⁹. Вместе с тем в современном российском обществе предпринимаются активные усилия по устранению негативных явлений в сфере миграционного опыта. В выступлении на заседании Госсовета по вопросам культуры академии РАН в г. Владимире А.О. Чубарьян отметил актуальность научно-педагогической проблемы национальных отношений: «Сейчас во всем мире велик интерес к мультикультурализму, который, как признали лидеры европейских стран, не оправдал себя, даже провалился. Россия в этом смысле уникальная страна – у нас этот эксперимент оказался, может быть, в единственной из крупных держав очень успешным. Я даже думаю, что это не очень точный термин – «мультикультурализм», в применении к России его можно было бы заменить на «интеркультурализм». У нас проблема культурного взаимодействия народов, которые населяют нашу страну, в едином государстве может служить образцом»³⁰. Может быть действительно необходимо обращение к прежней культуре интернационализма, интернациональной общности людей?

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Общий обзор концептуальных подходов к оценке миграционного существования см.: *Джуринский А.Н.* Проблемы поликультурного воспитания в зарубежной педагогике // Вопросы философии. 2007. № 10. – С. 45.

² См.: *Стребков А.И.* Интолерантность и ксенофобия в большом городе // Государство-власть-безопасность. Сб. науч. статей. – М.; Омск, 2007. – С. 120 – 121.

³ *Левинас Э.* Время и другое. – СПб., 1997. – С. 54.

⁴ *Щукин В.Г.* Социокультурное пространство и проблема жанра // Вопросы философии. 1997. № 7. – С. 72.

⁵ См.: Волкова Е.В. «Дом» и «дорога» как реалии и как символ в работах Ю.М. Лотмана // Вопросы философии. 2007. № 1. – С. 169 – 174.

⁶ Benveniste E. Vocabulaire des institutions indo-européennes. – Paris: Minuit, 1969. Т. 1. – Р. 294 – 309.

⁷ См. подробно: Федье. Ф. Власть / пер. с фр., общ. ред. и послесл. В.В. Библихина. – М.: УРСС, 2002. – С. 109 – 110.

⁸ Философско-социологический анализ феномена миграции в истории человечества, начиная с эпохи Древнего мира и Средневековья и оканчивая обзором миграционных процессов (рынки труда, депортации, эмиграция, появление иммиграционных стран) в период ранней глобализации содержит работа Т.Н. Юдиной «Социология миграции» (М.: Академический Проект, 2006. – С. 19 – 38).

⁹ Касавин И.Т. Человек – мигрирующий. Онтология: пути и местности // Вопросы философии. 1997. № 7. – С. 75.

¹⁰ Качественные черты и особенности социально-феноменологического внимания к жизненному миру личности в рамках концепций А. Шюца, Г. Гарфинкеля, Г. Лукмана, Д. Мида рассматривает В.Л. Абуценко (см.: Абуценко В.Л. Феноменологическая социология // Всемирная энциклопедия. Философия. – М.: АСТ; Мн.: Харвест, Современный литератор, 2001. – С. 1122 – 1123).

¹¹ Касавин И.Т. Человек – мигрирующий. – С. 79.

¹² Блюменкранц М. В поисках имени и лица. Феноменология современного ландшафта // Вопросы философии. 2007. № 1. – С. 54.

¹³ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. – М.: Весь мир, 2000. – С. 135.

¹⁴ Там же. – С. 136.

¹⁵ Луман Н. Социальные системы. – СПб.: Наука, 2007. – С. 552.

¹⁶ Новик И.Б. Цивилизация и человек. Вступительная статья к книге И.Д. Калайкова «Цивилизация и адаптация». – М.: Прогресс, 1984. – С. 7 – 8. Первоначально термин «адаптация» использовался в биологии для обозначения процессов приспособления живых организмов (популяции видов) к окружающим условиям. Устойчивый взгляд на адаптацию, которая придает живым системам целесообразную организацию, сохраняется до сих пор. Вместе с тем, как подчеркивает П.С. Кареко, адаптация является результатом приспособительного процесса – адаптиационеза, который выходит за границы биологических систем, поэтому понятие адаптации употребляется в технических, естественных, гуманитарных науках (см.: Кареко П.С. Адаптация // Всемирная энциклопедия. Философия. – М.: АСТ; Мн.: Харвест, Современный литератор, 2001. – С. 19).

¹⁷ Луман Н. Социальные системы. – С. 62.

¹⁸ Маркарян Э.С. Исследования по моделированию глобального развития человечества и теории социального управления // Системный анализ и управление научно-техническим прогрессом. – М.: Обнинск, 1978. – С. 107.

¹⁹ Луман Н. Социальные системы. – С. 157.

²⁰ См.: Калайков И.Д. Цивилизация и адаптация. – М.: Прогресс, 1984. – С. 23.

²¹ См. там же. – С. 56.

²² См. там же. – С. 57.

²³ Хайдеггер М. Время и бытие. – М.: Республика, 1995. – С. 214.

²⁴ Там же. – С. 190.

²⁵ Там же. – С. 214.

²⁶ Мотрошилова Н.В. О современном понятии гражданского общества // Вопросы философии. 2009. №6. – С. 15.

²⁷ Тойнби А. Постигание истории. – М., 1991. – С. 16.

²⁸ Кузьмин М.Н., Артеменко О.И. Человек гражданского общества как цель образования в условиях полиэтнического российского социума // Вопросы философии. 2006. №6. – С. 48.

²⁹ Федотова В.Г. Апатия на Западе и в России // Вопросы философии. 2005. №3. – С. 13.

³⁰ State Kremlin.ru/base/12075. Следует сказать, что ранее допускалось совмещение «интеркультурности» и «мультикультурности». Говорилось и «о войне культур», грозящей затмить все ранее известные социальные, экономические и политические конфликты. Одновременно допускается и осознанный плюрализм как существование взаимоисключающих и противоборствующих решений, что позволяет устранить «конфликт мироинтерпретаций» (см.: Зандкюлер Х.Й. Демократия, всеобщность права и реальный плюрализм // Вопросы философии. 1992. №2. – С. 35).

Аннотация

В статье рассматриваются концептуальные взаимосвязи в исследовании процессов развития миграции, цивилизационных систем, адаптационных возможностей «человека мигрирующего». Автор особо выделяет роль философской методологии в анализе современных феноменов миграции.

Ключевые слова: миграция, цивилизация, адаптация, личность, общество, культура.

Summary

The article considers conceptual interrelations in the investigation of migration, civilizational systems, adaptable possibilities of «person migrating». The author especially allocates the role of philosophical methodology in the analysis of modern phenomena of migration.

Keywords: migration, civilization, adaptation, person, society, culture.